ЭКСПЕРТНОЕ ИНТЕРВЬЮ

DOI 10.12737/13642

Антироссийские санкции: угрозы и возможности

Интервью с генеральным директором Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), научным руководителем факультета социологии и политологии Финансового университета **Валерием Валерьевичем Федоровым**

The Anti-Russian Sanctions: Threats and Opportunities

Interview to the CEO of the All-Russian Center of Studying of Public Opinion, research supervisor of faculty of sociology and political science of Financial university **Valery Valeryevich Fedorov**

Валерий Валерьевич, более года прошло с тех пор, как были введены санкции, в том числе и ответные, на ряд продуктов, ввозимых с запада. Как вы относитесь к таким мерам, как продуктовые эмбарго?

В определенном смысле это был, скорее, эмоциональный ответ, мы могли бы и не вводить продуктовое эмбарго — тот же результат в экономике получили бы безо всяких санкций. Напомню, рубль подешевел чуть ли не в два раза, что привело к падению экспорта в Россию европейских продуктов как минимум в два раза. Решение ввести антисанкции сродни решению Кутузова в 1812 г. дать Бородинское сражение, которого он не хотел, понимая, что победы в нем быть не может. Но общество и армия были так увлечены этой идеей, что отказ от сражения означал бы предательство, неспособность командовать армией. В результате погибли десятки тысяч людей с обеих сторон, а Наполеон все же занял Москву. Война 1812 г. была выиграна благодаря не Бородинскому сражению, а совсем другим действиям.

На мой взгляд, эмбарго и санкции — это своего рода «бородинское сражение», то есть показательные акции. Сложно ожидать, что за этот год наш агропром настолько разовьется, что все яблоки и говядина станут производиться в нашей стране. Как недавно заявил министр сельского хозяйства Ткачев, по отдельным направлениям импортозамещение займет пять — десять лет, в зависимости от уровня финансовой поддержки сельского хозяйства. То есть импортозамещение не произойдет по команде, указу. Это долгая и сложная работа. Способны ли мы ее проделать? Не знаю, хотелось бы верить, что да. Пока же наших товаров и продуктов особо не прибавилось, а те, что есть, зачастую невысокого качества. Яркий пример — сыры, дефицит которых заполняют подделки.

Сможем ли мы минусы санкций обратить в плюсы, пока говорить сложно. Могу лишь назвать, что для этого нужно: первое — это *политическая воля руководства страны;* второе — *умелая управленческая политика*; третье — *готовность государства платить за продовольственную безопасность*. Если хотя бы одна из этих трех составляющих не сработает, думаю,

польские яблоки вернутся, причем по нашему желанию.

А как вы оцениваете решение уничтожать санкционные продукты?

Продукция считается контрафактной, если у нее нет сертификата подлинности, соответственно, она уничтожается. Это общемировая практика. Есть разные формы уничтожения. Какие-то виды продуктов могут пойти на корм скоту, что-то можно перемолоть на удобрение, то есть не всегда уничтожение происходит путем сожжения и т.п. Почему нельзя отдать продукты питания в детские дома или беженцам, как предлагали некоторые? Потому что нет уверенности, что это не просроченная продукция, так как сертификаты поддельные. Если кто-то из беженцев или, тем более, ребенок умрет, кто за это ответит?

Другое дело, когда происходят сожжение утят и прочие ужасы, показанные под литавры по телевизору. Ни в коем случае это нельзя было показывать! Получился «самострел»: хотели как лучше, получилось как всегда. Хотели показать, что контрафакт не пройдет, а в результате половина, как минимум, населения теперь уверена, что еду уничтожать нельзя. По сути, произошло снижение политической поддержки власти. Потому что еда — это нечто фундаментальное, базовое, и отношение к ней обусловлено иррациональными мотивами (приведенные мною рациональные объяснения обычно не доходят до сознания обывателя). Отношение к еде, особенно в нашей не очень сытой стране, носит архетипический характер, то есть действует в отрыве от воли человека. Поэтому я считаю демонстрацию уничтожения продуктов питания политической ошибкой, мы сами себе навредили публичными казнями беззащитных утят.

Согласно результатам опроса ВЦИОМ, больше половины (почти 57%) считают, что антироссийские санкции, введенные на фоне конфликта на Украине, привели к негативным последствиям и усугубили ситуацию в Российской Федерации. Тогда как полгода назад так считали лишь 15% респондентов. Свидетельствует ли это о повышении интереса россиян к политическим и экономическим проблемам страны, связанным с санкциями?

Полтора года назад, после взятия Крыма, у нас возник кураж, казалось, что нам все по плечу, никакие санкции нам не страшны — продержимся, прорвемся. Это естественно, ведь мы очень долго пытались подняться с колен, а Крым показал, что, вроде бы, наконец, поднялись, сделали то, чего от нас никто не ожидал, и Запад, США ничего не могут противопоставить нашей воле.

Увы, спустя время мы начинаем понимать, что любое решение имеет цену. Для ситуации с Крымом и Донбассом ценой стали санкции, экономическая блокада — удавка, которая затягивается все туже. Первые санкции, адресованные персонально Сечину, Шувалову и другим людям из окружения Путина, простых людей не касались, а потому никого не испугали. А вот секторальные санкции, связанные с финансами, нефтяной промышленностью, начали оказывать отрезвляющее действие.

«Заполировали» ситуацию еще два фактора. Первое — это обвал цен на нефть. Многие считают, что санкции и обвал цен на нефть связаны друг с другом. Конечно, иногда совпадения — это просто совпадения, а иногда и нечто большее. Второй фактор — это наше продовольственное эмбарго, антисанкции, именно они перевели санкционную тему в разряд высокой политики, о которой пишут в газетах и говорят по телевизору. Приходя в магазин, мы обнаруживаем, что, действительно, какие-то продукты исчезли, а на другие цены выросли. В результате отношение к санкциям изменилось, храбрости — «давайте, давайте еще больше санкций, нам только лучше» — поубавилось, кураж прошел. Постепенно приходит понимание того, что мы попали в «воронку», которая затягивает нас все больше и больше. Удастся ли из нее выскочить — вопрос открытый. Кстати, большинство этот вопрос себе и не задает, потому что об этом вообще страшно думать. Надежда в основном на президента, на то, что с присущими ему дальновидностью и стратегическим мышлением он сможет вытащить страну из этого омута.

В общем, куража уже нет, появилось больше тревог, негативных ожиданий. Это очень непростая пора для политики. Однако говорить о том, что люди готовы выйти на улицу с протестами, требовать примирения с США, отказа от Крыма, оснований нет. Пока это довольно далекая перспектива, если вообще возможная.

Какие еще последствия санкций со стороны Запада могут волновать россиян, кроме тех, что уже выявлены опросом ВЦИОМ (например, «приведение России к экономическому кризису» — 33% опрошенных, «ослабление влияние РФ на мировой арене» — 22%, «попытка России подчинить своей воле» — почти 20%)?

Подходы к санкциям и оценка их причин и целей со стороны авторов санкций, прежде всего Вашингтона, Брюсселя, Берлина, и со стороны жертв этих санкций, то есть жителей России, совершенно разные. Если «санкционеры» говорят, что цель санкций — не ухудшить жизнь россиян, а заставить российских олигархов и чиновников заплатить неприемлемо большую цену за продолжение агрессивного курса на Украине, то, по мнению большинства нашего населения, Украина здесь вообще, по большому счету, не при чем. Россияне считают, что нас наказывают за независимую политику: не было бы Украины, не было бы Крыма — нашли другой повод. И все действия США на протяжении нескольких десятилетий прочитываются именно в этом контексте — как стремление расчленить Россию, поставить ее под свой контроль, превратить ее в марионетку, сателлита и т.п. Парадоксально, но факт: санкции лишь укрепляют это мнение. Кто может вводить против нас санкции? Только недруг, тот, кто хочет ослабить нас, стараясь бить по наиболее уязвимым местам. Послание же Обамы и Меркель — россияне, меняйте политику, и все будет хорошо, будем дружить как прежде — не доходит до основной массы населения либо кажется ему очередной «дымовой завесой», сладкой ложью. Поэтому можно сказать, что в морально-психологическом отношении эффект от санкций, скорее, противоположный.

Как долго продлится санкционная история неясно. Пойдет ли она по иранскому сценарию? Как известно, Иран находился под санкциями восемь лет, но своей политики не изменил. Или по кубинскому сценарию? Напомню, Куба живет под санкциями более полувека. Возможно, для нас уготован какой-то иной сценарий — пока вопрос остается открытым.

Прокомментируйте, пожалуйста, ситуацию с объявлением Крыма свободной экономической зоной. Не станут ли санкции в экономическом секторе тому препятствием?

Свободная экономическая зона (СЭЗ) — это лишь одна из идей, которая прорабатывается и реализуется в Крыму. Понятно, нужно спасать этот регион. Блокада, которую ввели Евросоюз и США, весьма болезненно бьет по крымчанам. И если первые несколько лет могут прожить на подъеме от мысли о возвращении в Россию, то в долгосрочном плане развитие Крыма оказывается под большим вопросом. Поможет ли решить его статус СЭЗ или какие-то другие меры, не знаю. Мне кажется, главное — это построить Керченский мост, который существенно облегчит снабжение полуострова, обеспечит рост туристического потока и более прочно привяжет Крым к России.

Получить статус СЭЗ — это, наверное, неплохо. К сожалению, таких зон на территории России довольно много, но какого-то значимого эффекта они до сих пор не дали. То есть сам по себе статус СЭЗ — не панацея от экономических бед. Нужна, опять же, *политическая воля* со стороны федерального центра, который, конечно, хочет сделать Крым выставкой достижений российского хозяйства, наверное, даже не столько для Запада, сколько для Украины, чтобы, сравнив реалии, люди могли понять, кто сделал лучший выбор — крымчане или те, кто остался по другую сторону Перекопского перешейка.

Кроме политической воли, нужны, опять-таки, *финансовые ресурсы*. Сегодня их у России не так много, как еще несколько лет назад. Значит, необходима третья составляющая — *продуманная экономическая политика*, которая не позволит чиновникам растащить эти деньги, понастроить себе на них новые дворцы, которыми и так уже заставлена крымская земля (только прежде чиновники и олигархи были украинские). Если все три составляющие будут реализованы, то идея СЭЗ сможет сработать.

Как вы считаете, смогут ли Крым и Сочи составить достойную конкуренцию западноевропейским курортам, в том числе зимним, с учетом ценовой политики и качеством нашего сервиса?

Во всем мире туризм носит, прежде всего, внутренний характер. Сегодня десятки миллионов китайцев путешествуют по всему миру, хотя всего пять-семь лет назад китайцы отдыхали в Китае. То есть прежде чем турбизнес выйдет за пределы страны, в ней выстраиваются туристическая инфраструктура, дороги, отели, мотели, кемпинги, обустраиваются места, связанные с достопримечательностями. Создается сильная туристическая индустрия, которая будет работать не только на своих, но и на чужих (въездной туризм).

В России туриндустрия развалилась в начале 90-х и с тех пор очень медленно восстанавливает свои позиции. В этом году произошел девальвационный шок — большинству россиян стало не по карману ездить за границу, даже на относительно дешевые курорты Египта и Турции. Поэтому наша туристическая индустрия получила хороший шанс. И речь не только о Крыме и Сочи, хотя это самые известные, разрекламированные туристические направления. Есть еще «Золотое кольцо», жемчужина русского средневекового зодчества: Ярославль, Суздаль, Вологда, Кострома. Есть новые, недавно или вновь открытые, но уже завоевавшие популярность места — Плёс на Волге, вотчины Деда Мороза в Костромской области, Великом Устюге. Есть курорты межрегионального значения — прежде всего на Алтае, Урале, в Сибири, а также активно развивающиеся горнолыжные курорты в Челябинской области, Башкирии и др. Ну и, конечно, Байкал, Камчатка. Словом, у нас множество интересных туристических направлений, причем явно недоинвестированных, и поэтому нормальной туристической индустрии там либо нет, либо она в зачаточном состоянии, и поток туристов пока слаб. Напомню, что мы живем в северной, холодной стране, поэтому неконкурентоспособны в плане пляжного отдыха. В средиземноморских странах туристический сезон длится пять месяцев и более, а у нас — от силы три. Поэтому велик период окупаемости наших туристических объектов, которые, кстати, зачастую дороже строить и содержать. Девальвация, снизившая финансовые возможности наших граждан, стала некой «палочкой-выручалочкой»: те, кто не смог отправиться на отдых за рубеж, решили отдыхать на родине. Будем надеяться, что возможности, которые сегодня открываются перед отечественной туристической индустрией, будут использованы. Причем, не только в Сочи, где уже первый после Олимпийских игр зимний сезон прошел отлично, и не только в Крыму, хотя по нему статистика тоже хорошая. Я надеюсь, что открывшимися возможностями воспользуются и другие российские города и веси, и, может быть, мы, как американцы в 1920-е гг., когда массовая автомобилизация охватила эту страну, станем по выходным ездить по окрестностям в поисках чего-нибудь интересного. Тогда каждый американский городок стал обзаводиться какой-либо достопримечательностью: «самой большой сковородой», «самым ужасным домом ужасов»... Немного смешно, но это очень разумный ход. Сначала надо развивать собственный туризм, а не финансировать чужой, стимулируя выездной туризм. У нас эта последовательность была нарушена, что привело к потере огромных средств, которые могли бы пойти на благоустройство городов, дорог, на развитие малого и среднего бизнеса. Но лучше поздно, чем никогда. Именно внутренний туризм наряду с сельским хозяйством могут стать точками роста нашей экономики.

Каков ваш прогноз относительно введенных санкций, как долго они продлятся?

Для нас не так страшны санкции, как падение мировых цен на нефть. Если цены стабилизируются, причем на уровне не самом низком, а хотя бы на уровне $50 за баррель, то, думаю, справляться с санкциями и многими другими проблемами станет легче. Сейчас главное, что бьет по России, бюджету, ценам, по нашим доходам, — это нестабильность нефтяного рынка. От цен на нефть прямо и косвенно зависят наши бюджетные доходы и курс рубля. Именно от нефти зависит приток внешних инвестиций, а также будут ли российские бизнесмены вкладываться в рублевую зону или продолжат выводить свои средства за рубеж. Если шторм на нефтяном рынке завершится, со всем остальным мы разберемся.

Как долго продлятся санкции? Думаю, нужно быть готовыми к тому, что может быть и пять, и семь, и десять лет, и даже больше. Как говорится, нашла коса на камень. Россия, очевидно, со своего пути не свернет, по крайней мере, при президенте Путине. А у него, как показывают наши опросы, есть отличные шансы в 2018 г. выиграть очередные выборы, значит, до 2024 г. мы будем жить под руководством нынешнего лидера, который, конечно же, с выбранного пути не свернет. За что, собственно, его уважает и любит большинство россиян.

Готова ли Америка признавать свои ошибки? Как говорят, Америка — отличная страна, она обязательно найдет верное решение, пока не попробует все неверные. Американцы привыкли жить, руководствуясь лозунгом «Think positive» (мыслить позитивно), — смотреть в будущее, не думая о прошлом. Поэтому возможны маневры. Например, новый президент скажет: «Теперь будем действовать иначе». Мы буквально в реальном времени наблюдаем картину радикального пересмотра американо-иранских отношений. И это не просто отношения, это курс американской политики на Ближнем Востоке — ключевом (в геополитическом и экономическом плане) регионе мира. Напомню, что самые большие запасы самой качественной нефти находятся именно там.

Предыдущий пересмотр происходит на рубеже 1980 гг., то есть три с половиной десятилетия назад. Именно тогда Иран перестал быть ключевым союзником Америки на Ближнем и Среднем Востоке, им стала Саудовская Аравия. Сегодня все возвращается на круги своя, хотя и в новой конфигурации. Иран из главного врага превращается если не в главного союзника, то хотя бы в партнера Америки. И это изменение фундаментального характера. На них пошел Барак Обама, хотя власти в Иране не поменялись, — там те же аятоллы, в свое время совершившие иранскую революцию, захватившие американское посольство в Тегеране, унизившие Америку, отвергшие те рецепты, которые она предлагала миру в целом и Ближнему и Среднему Востоку в частности.

Обама нормализует американо-кубинские отношения, госсекретарь Керри открывает американское посольство в Гаване, которого не было там более полувека. При этом цели американского эмбарго тоже не достигнуты: на Кубе по-прежнему социализм, островом правит династия Кастро. Делая хорошую мину при плохой игре, американцы признают эти реалии и размораживают отношения.

У нас тоже есть шанс настоять на своем. Когда ситуация изменится? Через пять, десять или пятьдесят лет — не знаю, но шанс есть, а чтобы его реализовать, нужно многое изменить в стране.

Сколько, по-вашему, времени потребуется отечественным производителям, чтобы заменить объемы продукции, которые поставлялись из Европы?

По многим направлениям европейскую продукцию заместить несложно. Скажем, в отличие от польских яблок, европейская баранина никогда у нас не была слишком востребована, в основном шла более конкурентоспособная новозеландская и австралийская. Министр сельского хозяйства, более компетентный в этой сфере, называет срок от пяти до десяти лет по разным направлениям, конечно, при условии неизменности курса на импортозамещение.

Напомню, что пока наши санкции рассчитаны на год. Год назад премьер-министр Медведев ввел их постановлением правительства, в августе этого года продлил еще на год. Но мог бы и не продлевать. И это, конечно, довольно опасная для сельского хозяйства ситуация, потому что за год инвестиции обычно не возвращаются. Это не разведение кур, когда деньги отбиваются быстро. Для говядины время возврата инвестиций увеличивается до семи лет. По яблочным садам оно составляет четыре — пять и даже более лет.

У нас есть отличные возможности для импортозамещения, но это требует много времени и больших вложений. Просто дать отмашку, как у нас любят, и успокоиться, недостаточно. Нужны дешевые кредиты, прежде всего для сельхозпроизводства, разумная налоговая политика, поддержка по многим направлениям, а также умелое управление, где-то даже в режиме микроменеджмента, чем наше государство обычно не любит заниматься, выбирая квазилиберальную позицию: «Мы создали правила, а вы, бизнесмены, уже там что-то делайте». Увы, такой подход работает далеко не всегда.

Отличными возможностями надо суметь воспользоваться. Проблема в том, что мы можем «не дотерпеть». Через какое-то время, года через три-четыре, когда, казалось бы, до успеха рукой подать, не видя результата и не ощущая его, мы можем «прогнуться», задергаться и отступить от своего курса. Такое, к сожалению, в нашей истории происходило не раз. Поэтому последовательность курса, четко выверенная стратегия политики, ее дальновидность и, конечно же, крепкие нервы руководителей — это то, что нам крайне необходимо, без чего самые шикарные перспективы, открывающиеся сегодня перед нашей экономикой, останутся миражом.

Беседовала канд. социол. наук,
заместитель проректора по международному
сотрудничеству Финансового университета
М.Е. Родионова